

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е. Ю. Булыгина
Т. А. Трипольская

ЯЗЫК ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

СЛОВАРЬ, КАРТА, ТЕКСТ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 80/81
ББК 81.2
Б 90

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.

Б 90 Язык городского пространства: словарь, карта, текст — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 240 с.

ISBN 978-5-94457-205-9

Город как объект исследования представляет собой сложный и многофункциональный комплекс, который может быть всесторонне изучен лишь в фокусе пересечения целого ряда гуманитарных наук.

Задачи многоаспектного исследования продиктованы тем, что тематическая группа «Наименования городских пространств» в разных языковых традициях оказывается на пересечении множества актуальных семиотических, семасиологических, лингвокультурологических и лексикографических проблем.

Общим знаменателем такого полипарадигматического исследования является сопоставительный контекст, включающий как вопросы контрастивной лексикологии, так и проблемы изучения наивной и художественной пространственных картин мира.

Мы привлекаем для исследования данные русского, французского, итальянского, испанского и английского языков, в которых воплощены образы европейских городов.

Исследование городских номинаций формирует «лингвистическое сопровождение» деятельности лексикографа, переводчика и лингвокультуролога. Возможно, полученные результаты окажутся полезными для авторов путеводителей, разговорников и составителей «двуязычных» карт.

УДК 80/81
ББК 81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-94457-205-9

© Изд-во «Языки славянской культуры», 2015
© Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А., 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Язык городского пространства как объект лингвокультурологического исследования	7
1.1. <i>Город</i> как объект междисциплинарных исследований	7
1.2. Лингвокультурологические аспекты исследования городских наименований в разных европейских языках	15
1.3. Национально-культурный компонент в семантике наименований городских пространств	28
1.3.1. Национально-культурный компонент как составная часть прагматического макрокомпонента	28
1.3.2. Безэквивалентность и лакунарность в системе наименований городских пространств	34
1.4. Наименования городских пространств как прагматически маркированный фрагмент словаря	40
1.4.1. Традиции лексикографирования городских номинаций в разных языках	62
1.4.2. Лексикографирование национально-культурного компонента в содержании городских номинаций	66
Глава 2. Образ своего и чужого города в пространственной картине мира европейцев	89
2.1. Формирование тематической группы: этимология и процессы заимствования	90
2.2. Процессы семантической деривации в тематической группе «Наименования городских пространств»	102
2.2.1. Метонимический перенос	103
2.2.2. Метафорический перенос	104
2.3. Модель городского пространства в наивной и художественной картинах мира	119

2.4. «Доминантные точки» города как основа сопоставления пространственных картин мира.....	126
2.5. Человек в городском пространстве	152
Глава 3. Язык городского пространства в текстовой перспективе.....	161
3.1. Травелог как элемент разножанровых текстов	162
3.2. Оригинальный и переводной тексты: чужой город в зеркале своего языка.....	173
3.3. Комментарий к переводному тексту как «словарь культурных кодов»	181
3.4. Текст городских карт в межкультурном диалоге	191
3.4.1. Карта как оригинальный текст.....	192
3.4.2. Городская карта как переводной текст	208
3.4.3. Динамические процессы в семиотической системе «Город»	212
Заключение.....	219
Литература	223

...По мне, самое интересное, что есть в мире, –
города. Нервные узлы человечества.

Петр Вайль

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почему язык городских пространств становится объектом специального лексикографического, семантико-сопоставительного, семиотического и лингвокультурологического исследования? На первый взгляд кажется, что слова тематической группы «Наименования городских пространств» присутствуют во всех европейских языках и вполне соотносимы по семантике. Ср.: *город, улица, площадь, набережная, переулок, бульвар; citta, via, piazza, lungomare, vicolo, viale, alberato; ville, rue, place, quai, ruelle, impasse, boulevard; ciudad, calle, plaza, ribera, callejón, rambla, avenida, paseo; city, street, square, embankment, lane, avenue, boulevard* и др.

Такой исследовательский ракурс становится вполне понятным, если мы окажемся в роли путешественника – «по прибытии в другой город, вернее, при размещении в иначе упорядоченном пространстве, возникает множество поводов для удивления, восторга или шока»¹ – и обратимся к текстам городских карт, двуязычным словарям, разговорникам и путеводителям. Для человека, осваивающего городское пространство и его язык, читателя переводной литературы или пользователя двуязычных словарей, словом, того, кто пытается увидеть чужой город через свои языковые и ментальные стереотипы, или того, кто готов освоить новое семиотическое пространство, эти лексические

¹Бикбов А. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. № 3–4 (34). 2002. С. 147.

единицы характеризуются теми самыми смысловыми зазорами, которые не учтены переводными, а часто и толковыми словарями. Так, заказывая отель, например, в Лилле, путешественник обнаружит неожиданный адрес: *Parvis de Saint-Moris*. Словарь В. Г. Гака и Ж. Триомфа² сообщит, что *parvis* – это паперть, слово, не употребляющееся в составе современных русских городских номинаций.

Читатель (и одновременно опытный путешественник) также «запнется» о словосочетание *просторная кампо*, помня, что в Венеции нет больших открытых пространств. А любознательный пользователь словарей нигде не прочитает о том, как строятся наименования набережных в Риме и Флоренции. Эти примеры как нельзя лучше демонстрируют, что даже область так называемых языковых универсалий, к которым относится язык городского пространства, имеет яркую национально-культурную специфику, выявляющуюся в сопоставительных исследованиях, которые позволяют по-новому, из чужого города, взглянуть на пространство своего.

Мы привлекаем для исследования данные русского, французского, итальянского, испанского и английского языков, в которых воплощены образы европейских городов.

Настоящее исследование продиктовано тем, что городские номинации как прагматически маркированный лексический фрагмент не привлекали внимание лингвистов, тогда как они представляют интерес с точки зрения семиотики, этимологии, динамических языковых процессов и специфики национальных картин мира. Кроме того, как нам кажется, разноаспектное изучение городских номинаций формирует «лингвистическое сопровождение» деятельности лексикографа, переводчика и лингвокультуролога. Возможно, полученные результаты окажутся полезными для авторов путеводителей, разговорников и составителей «двуязычных» карт.

² Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В. Г. Гака и Ж. Триомфа. 3-е изд. М., 2000 (ГТ).

ГЛАВА 1

ЯЗЫК ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. *Город* КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил – города»¹. Город – специфическое пространство, которое формируется и существует в разных странах по-разному, в соответствии с их историей, природой, традициями. История города, его настоящее, прошлое и будущее фиксируется в организации его пространства. Мы имеем в виду соотношение улиц, бульваров, площадей, набережных, образующих неповторимый облик города «как места обитания человека и культурного пространства, как особой семиотической системы»².

Город как объект исследования представляет собой сложный и многофункциональный комплекс, который может быть всесторонне изучен лишь в фокусе пересечения целого ряда гуманитарных наук.

Феномен города представляет интерес для историков, социологов, этнологов, культурологов, философов, архитекторов и филологов

¹Вайль П. Гений места. М., 2007. С. 9.

²Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам, XVIII. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30–45.

(У. Эко, Р. Барт, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, В. Г. Ильин, Е. Смоленская и др.). Город рассматривается в разных аспектах: как элемент социокультурной коммуникации (Т. М. Дридзе, А. В. Суперанская, Т. В. Шмелёва, Б. Я. Шарифуллин и др.), как сложная семиотическая система и как текст (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, И. Г. Яковенко и др.), как культурный концепт (В. Г. Ильин и др.). Российское (Москва, Санкт-Петербург) и европейское (Венеция, Флоренция, Париж, Лондон и др.) городское пространство исследуется как элемент культуры (Н. Е. Меднис, Н. П. Анциферов, Г. З. Каганов, А. Бикбов, Г. Зиммель, О. И. Вендина, К. Э. Аксёнов, Л. Сальмон и др.), а язык городского пространства – как составная часть текста-травелога (С. Б. Веселова, Д. Н. Замятин, П. Вайль, Т. А. Трипольская, Е. Ю. Булыгина и др.).

Сегодня усилиями ученых разных научных направлений и школ накоплен богатейший материал в описании феномена города, поэтому, видимо, актуальной задачей современной урбанистики является соотнесение результатов разнодисциплинарных исследований, которые – о чем свидетельствует аналитический обзор научной литературы – мало известны даже в смежных науках. Описание же различных особенностей местоположения, истории, культуры, ландшафта, архитектуры города неизбежно требует привлечения информации из самых разных научных источников.

Так, в архитектуре город рассматривают как пространственную структуру, выделяя разные типы пространств и подпространств, соотносящихся между собой. Подобная «карта» города становится основой для исторических и культурологических изысканий. Ср., например: «<...> если в Москве господствует продольная, т. е. современная городская схема уличных перемещений, то геометрия застройки сохраняет черты усадебной организации, с ее неполным присвоением пространства городской инфраструктурой. <...> В Париже главенствует принцип единой линии, когда здания ориентированы вдоль основной магистрали и выходят на нее фасадами. В Москве единая линия сохраняется только на главных проспектах и в районах плотной исторической застройки»³. Эти наблюдения детализируются в описаниях языка городского пространства, который, номинируя горизонтальное членение, репрезентирует геометрию города (проспект, шоссе, кольцо, бульвары (имеющие форму кольца), переулки, тупики, заулки и др.).

³ Бикбов А. Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4 (34). С. 165.

Культурологи и историки в свою очередь отмечают, что «всякий настоящий город – это ещё и особая хронологическая конструкция, это ось, пронизывающая вращение времени, утверждающая город как бытие особого рода. На эту ось и наматывается пространственная структура, которую можно читать, словно годовые кольца на распиле древесного ствола. Устойчивость города во времени не только позволяет выстроить его особую топографию – благодаря ей и складывается городская среда, то самое с трудом поддающееся описанию, но вполне ощутимое настроение, которое присуще тому или иному городу, его атмосфера, его характер»⁴.

Такую органичную связь времени и городского пространства усматривает Лаура Сальмон: «Ленинград является хронотопом именно в том смысле, что представляет не только петербургское пространство, но и советское время <...>. Кафе на Марата, пивная на Лиговке, угол Жуковского и Литейного, улица Толмачева, Елисеевский магазин, Кунсткамера, Большой дом, угол Чайковского, пивной ларек на Моховой, тюрьма на Каляева, Финляндский вокзал и т. д. – почти каждый рассказ Довлатова, каждый отрывок памяти содержит подобные упоминания. О чем бы ни говорил писатель, о чем бы он ни рассказывал, о герое или о встрече с Иосифом Бродским, он предлагает городские координаты (так называемые – да простит мне Довлатов – урбанонимы). Они не являются излишеством, не указывают на потребность в сухой топографической точности или на стандартную любовь к ленинградским достопримечательностям <...>. Подобные детали, наоборот, соответствуют «эстетической», «антинаучной» точности, представляют «временное пространство» сознания <...>»⁵.

«Хронологическая конструкция» города воплощается и в наименованиях городских пространств: имена собственные в названиях *улиц, площадей и бульваров*, которые во все времена отличались антропоцентрической направленностью, являются свидетельством смены идеологических систем и политики градостроительства. Аппеллятивы в составе наименований городских пространств несут не меньше информации о формировании и развитии города: «уходят» *концы*,

⁴ Ромашко С. Монумент – сувенир – улика: временная ось мегаполиса // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4 (34). С. 97.

⁵ Сальмон Л. Наименее советский город России: хронотоп довлатовских рассказов // Звезда. 2000. № 8. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2000/8/laura-pr.html>

проломы, взвозы (перемещаясь иногда в зону имени собственного), «спрямляются» *заулки, переулки и тупики*, унифицируясь в апеллятиве *улица*.

Если говорить о художественном феномене города, то он рассматривается как метафора: город-храм, город-мир, город-рай, затем город-монстр, город-тиран, город-убийца, город-ад⁶. Один и тот же город может совмещать все эти «ипостаси». Так, В. Н. Топоров выделяет следующие признаки города: сакральная природа (Петербурга), особенности природной сферы, борьба культуры и природы (камень и вода), протяжённость пространства. В связи с inferнальной природой Петербурга возникает образ саганинского города и тема смерти. Кроме того, возникает мотив крайнего положения города (пространственное обозначение), и при интерпретации и осмыслении текста в целом совершается «переход от пространственной крайности к жизни на краю, на пороге смерти»⁷.

В последнее время в филологии сложилась устойчивая традиция рассматривать город как семиотическую систему, как городской текст, как составляющую хронотопа художественного текста⁸. Принято говорить о городском тексте – петербургском, венецианском, московском и др.⁹ Городской текст включает в себя в качестве «субстратных элементов» природный: климатическо-метеорологический (ветер, холод, жара, наводнение и др.) и ландшафтный (вода, суша, открытость <простор>, гористость/равнинность и др.); а также материально-культурный (планировка, характер застройки, дома, улицы и т. п.)¹⁰.

⁶ Город и искусство: субъекты социокультурного диалога. М.: Наука, 1996.

⁷ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003. С. 29.

⁸ Бахтин М. М. Человек в мире слов. М.: РОУ, 1995.

⁹ Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Труды по знаковым системам XVIII. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30–45; Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992; Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999; Топоров В. Н. Петербург и Петербургский текст в русской литературе // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам, XVIII. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 5–29; Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003; Томашевский Б. В. Петербург в творчестве Пушкина // Пушкинский Петербург. СПб., 1999.

¹⁰ Топоров В. Н. Петербург и Петербургский текст в русской литературе // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым си-

Природные и материально-культурные элементы неразрывно связаны между собой. Так, Ю. М. Лотман выделяет два типа городской организации: город концентрический (расположенный в центре Земли) и город эксцентрический (на расстоянии от условного центра). Город первого типа реализуется в образе города на горе, и в данном случае город выступает в роли посредника между небом и землёй. Эксцентрический тип города – в образе города, расположенного на «краю» культурного пространства, тем самым реализуется противостояние естественного и искусственного, природы и города¹¹.

Для города характерна органическая привязка к естественному ландшафту. Городское пространство адекватно отражает его структуру и особенности: есть города, расположенные на холмах, где в качестве улиц фигурируют *спуски* и *подъемы* (*Владимировский/Владимирский спуск* в Новосибирске и Киеве; *Васильевский спуск* в Москве и др.); в городах у воды (река, лагуна, море) городскими артериями являются *каналы* (*Канал Грибоедова, Canale Grande, каналы Брюгге* и др.), что определяет облик города. Ср., например, размышления о Венеции Георга Зиммеля:

...двусмысленна двойная жизнь этого города, состоящего, во-первых, из сплетения переулков и, во-вторых, из сплетения каналов, так что он на самом деле не принадлежит ни воде, ни суше <...>; двусмысленны и сами узкие, тёмные каналы, чьи воды так беспокойно струятся и журчат – однако так, что невозможно распознать направление их течения: они находятся в постоянном движении и всё же словно не движутся никуда¹².

В картине мира горожан складывается целостный облик города, каким они видят его ежедневно. Сквозь черты повседневности проступают контуры прежнего города, отстоящего во времени от современного, проявляются общие и уникальные черты ландшафта, планировки городского пространства, его «расположения в центре или на краю».

Каким образом город проявляется в повседневной жизни – этот вопрос занимал, например, сюрреалистов, а позднее – ситуационистов, которые пытались понять это посредством неконвенциональных пу-

стемам, XVIII. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 18–19.

¹¹ Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Труды по знаковым системам, XVIII. Тарту, 1984. Вып. 664. С. 30, 31.

¹² Георг Зиммель. Венеция / Пер. с нем. А. Кричевского // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4 (34). С. 92–96.

теводителей по городу, карт, манифестов и размышлений. Урбанизм повседневности, с их точки зрения, опирается на три главные метафоры: транзитивность (пространственная и временная открытость города), ритм и отпечатки следов (отпечатки прошлого и ежедневно прокладываемые пути движения вдоль и поперек)¹³.

«Урбанизм повседневности» проявляется и в особой городской коммуникативной среде – городском языке, понимаемом как специфический язык горожан (городское просторечие, литературно-разговорная речь, профессиональные и молодежные жаргоны и др.)¹⁴. Некоторые лингвисты расширяют *языковое пространство* города, объединяя лексические макросистемы, имеющие полевое устройство и соотносимые в языке с различными понятийными сферами. Б. Я. Шарифуллин, например, говоря о структуре языкового пространства города, выделяет в нем четыре основных компонента, взаимосвязанных и взаимодействующих между собой: 1. Типы городской речи: литературные формы речи, разговорная речь, обиходная речь («городское просторечие»), регионально окрашенная речь, возрастные, профессиональные и корпоративные жаргоны, криминально окрашенная речь и т. д. 2. Устные и письменные жанры речевого общения в городе, формирующие его речевое пространство. 3. Тексты городской среды: городская реклама (например, щитовая), вывески-эмпоронимы (торговых и иных предприятий), письменные объявления, плакаты, листовки, ценники в магазинах и пр. Среди них особое место занимают вербально-иконические тексты, отражающие речевую субкультуру. 4. Ономастическое пространство города как важнейшая часть его семиотического образа в языковом сознании как горожан, так и приезжающих в данный город¹⁵.

В контексте нашего исследования «язык городского пространства» понимается как система городских номинаций (имен нарицательных), в первую очередь относящаяся к горизонтальной организации города (*улица, улочка, проспект, площадь, переулок, набережная, проулок, закоулок, бульвар, тупик; piazzale, largo, lungomare, corso; rond-point*,

¹³ Амин Эш, Трифт Найгель. Внятность повседневного города / Пер. с англ. С Баньковской // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3–4 (34). С. 212.

¹⁴ Колесов В. В. Язык города. М., 2005.

¹⁵ Шарифуллин Б. Я. Языковое пространство, языковой быт и коммуникативная среда города // Язык города: Материалы Международной научно-практической конференции. Бийский пед. гос. ун-т им. В. М. Шукшина. Бийск, 2007. С. 45–50.

artère, promenade; calle, bajado, travesía, ronda, carretera, ribera, callejón; square, backstreet, close, walk, drive и др.). Такое понимание вполне соотносимо с понятием топонимического пространства города, образованного наименованиями, связанными с топографическим обликом города, зафиксированными на карте и служащими пространственными ориентирами (наименования улиц, площадей, районов, микрорайонов города и других мест)¹⁶.

Есть и другое понимание термина *топоним* как наименования любого географического объекта. Поэтому для настоящего исследования распространенный и по-разному понимаемый термин *топоним* требует уточнений.

Так, известный специалист по ономастике А. В. Суперанская, детализируя терминологическую систему топонимики, вводит еще один термин, связанный непосредственно с городским пространством, – урбаноним. Ср.: «Названия улиц и других мелких объектов внутри населённых пунктов составляют сложную систему, связанную с многочисленными переосмыслениями одних и тех же имён в связи с их включением в разные системы, поэтому для них целесообразно принять особый термин – *урбанонимы* и не объединять их с названиями других мелких объектов в единый раздел микротопонимов, как это иногда делается без достаточного основания»¹⁷.

В «Словаре русской ономастической терминологии» урбаноним определяется как вид топонима наравне с именами других топографических объектов, в т. ч. гиргонимов, ойконимов, оронимов, спелеонимов, хоронимов и др.¹⁸

Формирование основных понятий в терминологической системе современной топонимики свидетельствует о том, что исследовательское внимание сосредоточено – и это вполне закономерно – на специфике имен собственных и их систематизации.

Нас же прежде всего будут интересовать нарицательные городские пространственные номинации, которые, с одной стороны, образуют

¹⁶ Шарифуллин Б. Я. Языковое пространство... С. 45–50.

¹⁷ Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 2008. С. 187; Суперанская А. В. Урбанонимы как отражение внутригородских реалий // *Onomastika jako spoločenská veda. Sborník príspevků z I Československé onomastické konference. 18–20.05.1982: Sborníkpráci Pedagogické fakulty v Ostravě. Praha, 1983.*

¹⁸ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 135.

самостоятельную тематическую группу в исследуемых языках (*улица, площадь, аллея, бульвар; strada, passeggiata, fondamenta, viottola; fossé, carrefour, place, cour, alley, avenue; calle, plaza, rambla, paseo; street, square, lane* и др.), с другой стороны, входят в качестве классифицирующего элемента в состав урбанонимов.

Исследователи урбанонимов отмечают основные тенденции в выборе имени собственного – конкретизатора в городских наименованиях: имя, фамилия известной личности (общественный деятель, музыкант, писатель, ученый, градостроитель и др.), специфика расположения, особенности городского пространства и др. Иногда это обусловлено общественно-политической или культурной ситуацией: в Лилле, родном городе Шарля де Голля, его имя носят разные городские объекты, как и имя А. П. Чехова в Таганроге. Долгие годы в России использовался известный принцип формирования урбанонима: существовал принудительный общий набор имён советских политических деятелей, героев войн, писателей, часто не имеющих отношения к конкретному городу. Еще одной и очень распространённой тенденцией создания урбанонима является наименование улицы по доминирующему объекту этого городского пространства: *Университетская набережная, Дворцовая набережная, Университетский проспект, Театральная площадь* и др.; название городского пространства по предназначению: *Базарная площадь, Сенная площадь, mercato, Campo dei Fiori*, а также условно-символическое наименование с обязательной положительной коннотацией: *улица Светлая, микрорайон Солнечный, Цветной проезд*. И наконец, наименование улиц осуществлялось с учетом пространственных и прочих характеристик: *улица Широкая, Большая, Тенистая* во многих из российских городов.

Мы остановимся в настоящем исследовании на вопросах формирования тематической группы «Наименования городских пространств» в разных языках, участия этих наименований в процессах семантической деривации, их функционирования в разных типах дискурсов, национально-культурной специфики лексики города, а также на проблемах моделирования основных фрагментов пространственных городских картин мира.

1.2. Лингвокультурологические аспекты исследования городских наименований в разных европейских языках

Многоаспектное изучение языка городского пространства предполагает осмысление исследовательской парадигмы, в которой пересекаются интересы лингвокультурологии, сопоставительной/контрастивной лексикологии, лексикографии и семасиологии. Мы неизбежно сталкиваемся с необходимостью сопоставления результатов этих научных направлений. Так, размышляя о современной лингвокультурологии, которая ориентирована на исследование разных картин мира, необходимо соотнести цели, методы и результаты этой достаточно молодой научной области с результатами сопоставительных исследований в области лексики и грамматики. Этот шаг продиктован убеждением авторов в том, что когнитивные исследования в целом должны опираться на результаты серьезного семасиологического, в том числе и сопоставительного, изучения языков. Сходная мысль была высказана С. Г. Воркачевым: «Сравнительное изучение языкового сознания через лексико-семантический уровень языка <...> сближает контрастивную лингвистику <...> со сравнительной лингвоконцептологией <...>, поскольку имеет дело с культурными, вернее, лингвокультурными концептами как некими вербализованными смыслами, отражающими лингвоменталитет определенного этноса»¹⁹.

1.2.1. Сопоставительная (или контрастивная) лингвистика, изучающая сходства и различия языков на всех уровнях языковой структуры, независимо от их родства, является относительно молодой областью знания. До сих пор дискуссионным остается вопрос о разграничении терминов «сопоставительная» и «контрастивная» лингвистика

¹⁹ Воркачев С. Г. Эталонность в сопоставительной семантике // Язык. Сознание. Коммуникация. М., 2004. С. 10. Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_25.pdf